

РОМАН МРАЗЕК

СЛАВЯНСКИЙ СИНТАКСИЧЕСКИЙ ТИП „МНЕ НЕЧЕГО ЧИТАТЬ“

1. При сравнительном изучении синтаксиса простого предложения славянских языков обнаруживается, что особенно в сфере конструкций с глаголами *esse — habere* они во многом структурно отличаются друг от друга.¹ Одно весьма интересное семантико-формальное поле в рамках этих построений и создается нашим типом (*Мне, тебе...*) *нечего (было, будет, было бы) читать*, положительная разновидность которого звучит (*Мне, тебе...*) *есть (// было, будет, было бы) что читать*.

2. При беглом взгляде можно было бы весь тип предварительно разделить на четыре основных варианта, в зависимости от аффирмативного /негативного общего статуса, как и от эксплицитности / имплицитности указания на лицо, могущее или не могущее совершать соответствующее действие. Их семантические инварианты следующие:

В аффирмативных предложениях выражается осуществимость некоторого действия, наличие условий для его реализации (*Есть чего бояться, Мне было на кого надеяться, Нам будет где переночевать*), между тем как отрицательные предложения исключают возможность его осуществления (*Нечего бояться, Мне не на кого было надеяться, Нам негде будет переночевать*). В обоих случаях, в свою очередь, сообщаемое содержание или просто мыслится безотносительно к потенциальному производителю (*Есть где сидеть, Не к кому обратиться*), или же оно эксплицитно „присваивается“ некоторому производителю, в силу чего устанавливается своеобразное отношение принадлежности (пертиненции) или собственности (поссиденции) (*Мне есть где сидеть, Ему не к кому было обратиться*, чешск. *Mám kde sedět, Neměl se na koho obrátit*).²

2.1. Углубленное рассмотрение данных конструкций, однако, выявляет, что необходимо считаться еще с одним промежуточным, особым подтипом в положительном и отрицательном вариантах: *Есть кому пахать, Некому было воспитывать меня*. В других славянских языках его специфичность дает себя знать еще ярче, чем в русском, ср. чешск. *Má kdo orat, Neměl mě kdo vychovávat, Nemá tě co mrzet* и т. п. Это связано с происхождением всех описываемых конструкций в целом — их диктальное ядро восходит к делиберативным вопросам, содержащим инфинитив или его функциональное описательное соответствие *да +* финитный глагол, как убедительно доказал чешский языковед Й. Зубатый.³ Например: *Что читать?, Куда пойти?, На кого надеяться?* → *Есть что читать, Было куда пойти, Есть на кого надеяться; Не есть, что читать > Нѣсть, что*

читать > *Нечего читать*, подобно *Не было куда пойти* > *Некуда было пойти*, и т. д. В восточнославянских языках, в отличие от других, старинные славянские инфинитивные конструкции с выраженным дательным падежом производителя действия до сих пор занимают системное место, благодаря чему возможны также и делиберативные предложения вроде *Кому пахать?*, *Кому воспитывать меня?*, и отсюда получается наш подтип *Есть кому пахать*, *Некому было воспитывать меня*.

Но в большинстве остальных славянских языков подобные инфинитивные построения с эксплицитным дательным падежом деятеля вышли (полностью или почти) из употребления. В результате того возникает своеобразное положение тогда, когда вопросительным словом в первоначальном делиберативном вопросе выступает местоимение *кто?* / *что?* в роли десигнатора производителя действия. Так, в чешском языке можно сказать: *Kam jít?*, *Co (= вин. пад.) dělat?*, однако нельзя сказать **Komu (= производитель) orat?*, подобно как неотмеченными оказываются и построения вроде **Kam nám jít?*, **O čem mi bylo vyprávět?* Разумеется, не существуют и гипотетические высказывания типа **Kdo orat?*, **Co mě mrzet?*

2.2. Таким образом, в одном и том же парадигматическом ряду глубинной структуры в чешском языке (и в некоторых других языках) выступают следующие построения:

- а) *Je co číst*
- б) *Nebylo kam jít*
- в) *Nebude čím zaplatit*
- г) *Má kdo orat*
- д) *Nemá mě co mrzet*

С другой стороны, в поверхностной структуре этот промежуточный подтип „экзистенциальных предложений“ с глаголом *habere*, представленный двумя последними примерами г) и д), сближается с остальными „посиденциальными предложениями“, содержащими тот же глагол; ср.

- г) *Má kdo orat*
- д) *Nemá mě co mrzet*
- е) *Mám co číst*
- ж) *Neměli jsme se kde schovat*

Существует здесь, однако, еще одна тонкая различительная черта: конструкции е) и ж) могут изменяться по лицам (*Máš, máme, bratr má co číst*), а конструкции г) и д) не подлежат такому изменению.

2.3. В результате вышесказанного целесообразно в дальнейшем пользоваться следующей типовой трихотомией:

- I. аффирм. *Есть (|| было...) где сидеть*
негат. *Негде (было...) сидеть*
- II. аффирм. *Есть (|| было...) кому пахать*
негат. *Некому (было...) пахать*
- III. аффирм. *Мне есть (|| было...) что читать*
негат. *Мне нечего (было...) читать*

3. Встает вопрос: какое органическое место должно было бы занимать описание нашего типа в трансформационно-порождающем синтаксисе, направленном на широкие межславянские сравнительные перспективы? Нами был уже разработан детальный проект систематичес-

кого описания всех структурных типов простого глагольного предложения в славянских литературных языках, с учетом трансформационно-порождающей методики. Нет сомнения, что данный тип представляет собою сложное явление, которое весьма трудно поддается однозначному отнесению в ту или другую рубрику. Сущность нашей общей концепции структурных типов зиждется на 3 точках зрения: 1) Для сравнительных целей полезно исходить не из поверхностных структур (т. е. из формы), а из глубинных структур (т. е. из содержания, отражающего определенные денотативные отношения). 2) Необходимо строго отличать друг от друга исходные, первичные построения от всякого рода производных построений (деагентивных, квантифицирующих, модальных, фазисных и т. д.). 3) Целесообразно также учитывать противопоставление однобазисных и двухбазисных структур. Согласно этому, весь инвентарь однобазисных исходных структур можно делить на такие, в которых наличествует (хотя бы лишь имплицитно) производитель признака („эffiциент“, напр. *Ученик пишет, Ученик болен*), или же не наличествует (напр. *Стемнело, Было жарко*); в первом случае выгодно подразделять предложения по предметному характеру преддицируемого признака: им может являться процесс, посидения (обладание и принадлежность), экзистенция, качество и количество.⁴

3.1. Итак, наш тип *Мне нечего читать* можно было бы, вне всякого сомнения, истолковывать и как двухбазисный — матричным предложением выступает отрезок с экзистенциальным глаголом *esse* (в других языках *habere*), а конститутивным предложением будет делиберативный вопрос. Как известно, все делиберативные вопросы такого рода модально маркированы, почему и направляется возможность отнести весь тип к числу модальных производных структур. На самом деле же речь идет не о „модализации“ преддицируемого признака, а просто о наличии или принадлежности кому-либо модализованного диктального отрезка.

3.2. Еще один момент осложняет все дело. Рассматриваемый тип в некоторых своих частных формальных реализациях, несомненно, входит в широкие рамки т. наз. деагентивности, т. е. в ту область, которая характеризуется устранением эffiциента признака с позиции грамматического подлежащего.⁵ Если признавать деагентивными, между прочим, построения вроде *Мне не спится, Куда нам идти?, Что мне было читать?*, то тем самым туда же должны быть отнесены также и предложения *Некуда было идти, Мне есть что читать*.

Окончательное решение этой проблематики пока что нам представляется открытым.

3.3. Сознвая все эти частные интерпретационные затруднения и считаясь с многообразием существующих формальных коррелятов по отдельным славянским языкам, мы предлагаем в сравнительном синтезе выделить рассмотрение данного синтаксического типа в пределах исходных структур с эffiциентом, поместив его за раздел о способах выражения посидения и экзистенции. Притом, по чисто прагматическим причинам, выгодно было бы не отрывать этот тип от прочей массы однобазисных структур, хотя в генеративном аспекте (и, пожалуй, также и в генетическом плане) двухбазисная природа таких оборотов вряд ли может оспариваться.⁶

4. Вопрос об односоставности — двусоставности исследуемых конструкций не столь важен. Его решение зависит, разумеется, от кон-

кретной внешней формы, варьирующей по отдельным языкам и подтипам. Там, где сообщаемое содержание обслуживается личной формой глагола *habere*, как и вообще во всех аффирмативных высказываниях, речь идет, как правило, о двусоставных построениях. Наиболее спорными представляются отрицательные предложения с глаголом *esse / habere* (*Мне нечего было читать*, белорусск. *Сеяць няма кому*), хотя и здесь двусоставная трактовка оказывается, на наш взгляд, предпочтительнее односоставной.⁷ В общем — современной синтаксической теории пора бы отказаться от традиционной фетишизации принципиальной дихотомии двусоставный × односоставный. Есть ведь критерии более релевантные.

5. Теперь можно приступить к конкретному освещению формальных эквивалентов по всем славянским языкам, сначала с установкой на некоторые общие сходства и расхождения, а затем в иллюстрации на самом материале.

Общих факторов, предопределяющих формальную сторону данного типа при межславянской дифференциации, оказывается три:

1) Тесная взаимосвязь со способами выражения смысла экзистенции или посиденции (пертиненции) в самых элементарных оборотах вроде: а) мак. *Собрание ќе има*, болг. *Там има (||няма) място*, словен. *Tam ni bilo prostora*, польск. *Zebrawie będzie, Lodu nie ma*, белорусск. *Яны тут ёсць, Нікога няма*; или б) чешск. *Mám tu knihu*, укр. *У неї є дочка || Вона мала одну дочку*, русск. *У меня есть деньги, Ночью мне не было покоя*, сербохорв. *Moj je brat imao lepi knjigu*.

2) Наличие / отсутствие инфинитива как грамматической категории в системе того или другого языка; отсюда вытекают такие особенности большинства южнославянских языков, как-то болг. *Има какво да се пие*, мак. *Нема кој да ора*, сербохорв. *Nije bilo gde da se ode*.

3) Системное место инфинитивных вопросительных предложений с выраженным дательным падежом эффициента или без него. Поэтому в восточнославянских языках, как уже упоминалось, обычны такие предложения, как русск. *Мне нечего было делать* (< *Что мне было делать?*), укр. *Заплатити мені нічим* (< *Чим мені заплатити?*), белорусск. *Падумаць ёй ёсць аб чым* (< *Аб чым ёй падумаць?*).

6. Функциональную дистрибуцию глаголов *esse — habere* применительно к исследуемому типу можно в общих чертах представить в следующем виде:

Болгарский и македонский: повсюду выступает только *habere*.

Сербохорватский: во всех подтипах со значением настоящего времени представлен глагол *habere*, в целом превалирующий у нашего типа.

Польский: дистрибуция обоих глаголов более равномерна.

Чешский, словацкий, как и словенский: роль глагола *habere* немного меньше, нежели в польском — он выступает только в подтипах II и III.

Лужицкие языки: как правило, употребляются разного рода перифразы, отходящие от грамматической структуры исследуемого типа.

Украинский: в общем преобладает *esse*, однако у всех отрицательных подтипов представлены факультативные параллельные конструкции с *habere* (*Мені нічого читати || Мені нема чога читати, Орати нікому || Орати немає кому*).

Белорусский: явно преобладает *esse*, только во всех отрицательных подтипах со значением настоящего времени обязательно появляется *habere* (напр. *Няма чаго рабіць, Сеяць няма кому*).

Русский: везде последовательно выступает глагол *esse*.

6.1. Между польским, украинским и белорусским языками наблюдается здесь — как и в некоторых других местах языковой системы — одна общая изоглосса: значение „поп *esse*“ в форме индикатива настоящего времени передается посредством глагола *habere*: *Nie ma szym zarłacić, Няма чаго рабіць, Нема(є) чога читати* (// *Нічого читати*), подобно как и в обычных экзистенциальных оборотах вроде: *Takiej możliwości nie ma, Там нічога цікавага няма, Тут нема грібів*.

7. В обобщенном виде любопытно посмотреть на положение в славянских языках также и с точки зрения возможной альтернативы синонимических средств. Наибольшим разнообразием параллельных построений отличается, несомненно, украинский язык; так, содержание „мне нечего читать“ может передаваться следующим образом: *Мені нічого читати* // *У мене нічого читати* // *У мене нема(є) чога читати* // *Мені нема(є) чога читати* // *Я не маю чога читати*. С другой стороны, относительно единогообразии формальной стороны характерно для русского с белорусским, как и для чешского со словацким. Те или другие равнозначные варианты подтипов, впрочем, встречаются в большинстве языков, ср., например, болгарский (*Има какво да пием* // *Имаме какво да пием*), македонский (*Има што да се пие* // *Има што за пиење*), да и белорусский и русский; в последнем языке рядом с системными построениями, содержащими дательный падеж, вроде *Мне нечем топить*, не исключены и стилистические варианты *У меня нечем топить*.

7.1. Необходимо еще добавить, что коммуникативное содержание изучаемого типа „мне нечего читать“ и его подтипов в ряде языков может передаваться с помощью разного рода перифрастических образований. Не все три подтипа в своем основном, структурном виде оказываются одинаково интегрированными в системе того или иного языка. Касается это особенно подтипа II — *Есть кому пахать, Некому было воспитывать меня*. Перифразы типичны, гл. образом, для западных украинских языков славянской территории. Так, например, в чешском (подобно и в словацком) встречается: *Nemá mi kdo pomoci* // *Není (nikdo), kdo by mi pomohl; Neměli jsme se kam schovat* // *Nebylo* (// *neměli jsme*), *kam bychom se schovali*. Из словенского языка ср. также синтаксические дублиеты, как-то: *Ima mi kdo pomagati* (мало обычно) // *So, ki mi lahko pomagajo; Nima mi kdo pomagati* // *Nikogar ni, ki* (// *da*) *bi mi pomagal*; вместо конструкций подтипа *Imam kaj brati* („читать“), *Nimam kaj brati* появляются также *Imam nekaaj, kar da bi bral, Nimam nič, kar da bi bral*. Польский характеризуется особенно синонимическими оборотами с отглагольным существительным: *Tu niczego nie ma do szukania, Mam coś do czytania, Nie mam nic do czytania*; во II подтипе рядом с редким способом выражения вроде *Ma mi kto pomóc* представлены обороты *Jest ktoś, kto by mi pomógł* // *Mam kogoś, kto...* Наконец, верхнелужицкий и нижнелужицкий языки почти всегда прибегают к всякого рода описательным построениям, среди которых важную роль, как и в польском, играют опять-таки отглагольные существительные; ср., например, верхнелужицкое: *Je (tu) něšto k čitanju, Nimam*

ničo k čitanju, Njebě móžno, nihdže hič, Běše (tu) něchtó, kiž móžeše mje kublač, My njemóžachmy nihdže hič. Обороты с отглагольным существительным представлены, конечно, еще и в некоторых других языках.

8. В заключение считаю целесообразным дать схематический иллюстративный обзор рассматриваемого типа по всем отдельным славянским литературным языкам. Следует еще заметить, что в привлеченных текстах общая численность отрицательных высказываний намного превышает численность положительных высказываний.

Русский:

- I. Есть что читать. Было где переночевать.
Нечего читать. Негде было переночевать.
- II. Есть кому пахать. Смотреть было кому.
Некому пахать. Смотреть было некому.⁸
- III. Мне есть к кому обратиться. Нам будет о чем вспоминать. Было ему где приютиться.
Мне не к кому обратиться. Нам не о чем будет вспоминать. Приютиться ему было негде.

Украинский:

- I. На світі є кого любити. Було що читати.
Заплатити нічим. Нікуди було дітися. // Заплатити нема(є) чим.
Не було куди дітися.
- II. Орати є (// було, буде) кому.
Орати нікому. Сіяти було нікому. // Орати нема(є) кому. Нема (не було) кому запитати.
- III. Мені (// у мене) є що читати. Нам було де сховатися. // Я маю що читати. Вона мала з ким танцювати.
Мені (// у мене) нічого читати. Нам ніде було сховатися. // Мені (// у мене) нема(є) чого читати. // Я не маю чого читати. Вона не мала з ким танцювати.

Белорусский:

- I. Ёсць што чытаць. Па ямах было дзе хавацца і маскіравацца.
Рабіць няма чаго. Слова няма з кім перамавіць. Не будзе ў што і зубы ўвязаць.
- II. Сеяць ёсць каму.
Сеяць няма (не было, не будзе) каму.
- III. Падумаць ёй было аб чым. Мне ёсць што чытаць.
Табе няма тут чаго рабіць. Ёй не было куды дзецца.⁹

Польский:

- I. Jest co jeść. Będzie gdzie nocować.
Nie ma co jeść. Nie było (nie będzie) gdzie nocować.
- II. Ma mi kto pomóc (редко, чаще перифразы).
Nie ma kto sprzątać. Nie miał mi kto poradzić.
- III. Mamu czym zapłacić. Będziemy mieli gdzie nocować.
Nie mamu czym zapłacić. Nie miał o co zacząć ręk. Nie będziemy mieli gdzie nocować.

Словацкий:

- I. Jesto sa na čo žalovať. Bolo kde ísť.
Niet(o) čo čítať. Nebolo kedy sa tou rečou zapodievať.
- II. Má kto orať.
Nemá kto orať. Nemalo ma čo mrziť.
- III. Máme čo robiť. Mali sme kde prenocovať.
Nemám čo čítať. Nebudeme mať kde prenocovať.

Чешский:

- I. Je co pít. Bylo kam jít.
Nebude co pít. Nebylo kam jít.
- II. Má kdo orat. Má tě co mrzet.
Neměl kdo orat. Nemá tě co mrzet.
- III. Měli jsme co číst. Měl se kde schovat.
Neměli jsme co číst. Neměl se kde schovat.

Верхнелужицкий:

- I. Je (tu) něšto k čítanju. // Dawa (dawje) něšto k lazowanju (в народ. речи). Bě móžno (// běše móžno, mějachmy možnosć, móžeše so) něhdže hić.
Njeje (tu) ničo k čítanju. // Njedawa ničo k lazowanju (в народ. речи). Njebudže móc nihdže přenocować. // Njebudže móžno, nihdže přenocować.
- II. Je (tu) něchtó, kiž móže worać. // Dawa (dawje) něchtó, kiž móže worać.
Njeje (tu) nichtó, kiž by worać móhł. // Njedawa (njedawje) nichtó, kiž móže worać.
- III. Mam něšto k čítanju. // Ja mam něšto k čítanju (k lazowanju). My móžachmy (// bě nam móžno, mějachmy možnosć) něhdže hić.
Nimam ničo k čítanju. // Ja nimam ničo k čítanju (k lazowanju). My njemóžachmy nihdže hić. // Njebě (nam) móžno (// njemějachmy móžnosć(e)), nihdže hić.

Нижнелужицкий:

- I. Jo něco k cytanju. // Dajo něco k lazowanjeju (в народ. речи). Mogało jo se niži hyś. // Jo było možno, niži hyś.
Njejo nic k cytanju. // Njedajo nic k lazowanjeju. Njebužo móc niži přenocowaś.
- II. Jo něcht, ako možo woraś. // Dajo někogo, ako možo woraś.
Njejo nicht, ako možo woraś. // Njedajo nikogo, ako možo woraś.
- III. Ja mam něco k cytanju (k lazowanjeju). My smy mogali niži hyś.
Ja njamam nic k cytanju (k lazowanjeju). My njejsmy mogali niži hyś. Njamaśo se za nic źekowaś.

Словенский:

- I. Je (je bilo, bo) kaj brati. Je bilo kam iti.
Ni (ni bilo, ne bo) kaj brati. Ni bilo kam sestiti.
- II. Bo imel kdo gledati nanj. Ima mi kdo pomagati (редко, чаще перифразы).
Ne bo imel kdo gledati nanj. Ni mi imel kdo pomagati.
- III. Imeli so o čem sanjati. Imam kaj brati. Imeli bomo kje prenočiti (редко).
Ni jim imel ničesar povedati. Nisem imel kam iti. Nimamo kje prenočiti (prenočevati).

Сербохорватский:

- I. Ima (bilo je, biće) šta da se čita. Bilo je gde da se ode.
Nema (nije bilo, neće biti) šta da se čita. Nije bilo gde da se ode.
- II. Ima ko (bilo je ko, biće koga/ko) da mi pomogne.
Nema ko (nije bilo ko) da mi pomogne. Nikoga neće biti da mi pomogne.
- III. Imam šta da čitam / čitati. Imali smo gde da noćimo / noćiti.
Nemam šta da čitam / čitati. Nismo imali gde da noćimo / noćiti.

Македонский:

- I. Има што да се пие / за пиење. Имаше кај да се оди.
Нема што да се пие / за пиење. Неќе има (// нема да има) кај да се оди.
- II. Мене има кој да ме брани. Имаше кој да ора.
Мене нема кој да ме брани. Немаше кој да ора.
- III. Ти имаш со што да ораш. Имам (ќе имам) кај да одим.
Немам што да правам. Неќе имам (// нема да имам) кај да одим.

Болгарский:

- I. Има какво да се пие. Имаше кџе да се отиде.
Няма какво да се пие. Нямаше шчо да се прави.
- II. Има кой да се грижи за мене.
Не ще има (// няма да има) кой да се грижи за мене.
- III. Имаме (// има) какво да пием. Другите имаше кџе да се скрият.
Нямаме (// няма) какво да пием. Нямаше кџе да се скрият.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ср. R. Mrázek, *Typologie slovanské jednoduché věty* (сб. Československé přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů v Praze, Praha 1968), стр. 70.
- ² К близкому понятию посессивности см. R. Zimek, *K chápání posesivnosti* (сб. Rusko-české studie, Praha 1960, стр. 131—156).
- ³ J. Zubatý, *Mám co dělati* (Naše řeč VI, 1922, стр. 65—71).
- ⁴ Подробнее этот проект охарактеризован в нашей статье: *Hierarchizace větných typů slovanských spisovných jazyků pro srovnávací syntézu* (Slavica Slovaca 7, 1972, стр. 202—207).
- ⁵ Ср. R. Mrázek, *Slovanské konstrukce typu rus. mne ne spitsja* (сб. Miscellanea linguistica, Ostrava 1971, стр. 119—126).
- ⁶ См. точку зрения, высказанную в литогр. учебных текстах: VI. Hrabě—P. Adamec, *Transformační syntax současně ruštiny I*, Praha 1969, стр. 57—58. Авторы склонны усматривать здесь двухбазисный трансформ, вроде: *У матери есть кто-то, о ком она заботится* → *Матери есть о ком заботиться*.
- ⁷ Так, *Грамматика русского языка* АН СССР, Москва 1954, II/2, относит наш тип к односоставным построениям (стр. 26, 29). Односоставную трактовку его приносит также и *Грамматика современного русского литературного языка* АН СССР, Москва 1970, стр. 565, 569 (почему-то здесь вовсе не отмечается возможность распространения дательным падежом эффициента признака).
- ⁸ Любопытно, что в подтипе II вне контекста может происходить смысловая омонимия, при условии, что глагол будет объектным, управляя дательным падежом без предлога: *Некому писать* = 1) „нет никого, кто мог бы писать“ // 2) „нет адресата, которому можно было бы послать письмо“. Аналогично это касается также и двух остальных восточнославянских языков.
Как известно, наступление нового состояния эксплицитно передается с помощью глагола *стать, становиться*: *Стало нечего пить, Говорить становится не о чем*. Обороты вроде *Нечего ждать их, Нечего смеяться* могут носить побудительный модальный характер или, при констатации, выражают просто значение „что-либо не

и...еет смысла, не стоит делать“. Аналогии встречаются опять-таки в украинском и белорусском.

- ° Белорусский язык в общем сходится здесь с русским, отличаясь от последнего лишь иным словопорядком в связи с тем, что отрицательная частица не сливается с местоимением / наречием (*Не было чаго рабіць*), как и словоформой *няма* в значении отрицания настоящего времени.

SLOVANSKÝ SYNTAKTICKÝ TYP „MNE NEČEGO ČITAŤ“

Pozorujeme zde mezi slovanskými jazyky hlubší rozdíly, které jsou dosti podobné strukturním rozdílům v elementárních konstrukcích vyjadřujících význam posidence a existence. Celkem je nutno rozeznávat 3 podtypy, vždy s afirmativní a negativní variantou: 1) *Есть где сидеть / Негде сидеть*, 2) *Есть кому пахать / Некому пахать*, 3) *Мне есть что читать / Мне нечего читать* (§ 1, 2).

Zkoumá se otázka, kam by popis tohoto typu organicky patřil v transformačně-generativním výkladu syntaxe slovanských jazyků, se zvl. zřetelem ke své hloubkové a povrchové struktuře (§ 3), a zda jde o útvary jednočlenné či dvojčlenné (§ 4).

Formální stránka typu a jeho podtypů závisí od jazyka k jazyku také na tom, zda tu jsou systémově zastoupeny infinitivní jednočlenné konstrukce (jak je tomu např. ve východní slovanštině) a zda tu vůbec infinitiv vystupuje jako morfologická kategorie (§ 5). Zobecněně se podává funkční distribuce sloves *esse* — *habere* (§ 6) a nastiňuje se i možnost alternace synonymických výrazových prostředků, včetně používání rozmanitých perifrastických útvarů (§ 7).

Závěrem je na konkrétním ilustrativním materiálu ukázáno, jaké jsou základní výrazové ekvivalence uvedených 3 podtypů v každém jednotlivém slovanském jazyce (§ 8).

